

frantic – «беспорядочный, безумный»); 'необдуманность' (*The fly moved creepingly up a hill, and Clare watched it go with an unpremeditated hope that Tess would look out of the window for one moment.* Hardy. *Tess of the d'Urbervilles*).

Hope также характеризуется оппозитивными признаками 'уверенность' (*No fear of death will darken St. John's last hour: his mind will be unclouded, his heart will be undaunted, his hope will be sure, his faith steadfast* Bronte. Jane Eyre; ...*with doubtless hope of mutual love.* Barnabe. *Sonnets*) и 'сомнение' (*Dubious and fluttering 'twixt hope and fear.* Coleridge. *Poetical works*); 'разумность' (...*a hope which, when it proved to be fruitless, she felt to have been highly unreasonable.* Austen. *Northanger Abbey*) и 'неразумность' (...*which we have given with a reasonable hope of its contributing to the comfort of a friend.* Austen. *Mansfield Park*). 'Недоумение' – состояние человека, когда он совершенно не понимает и не может объяснить что-либо. У *hope* отмечен признак 'недоумение' (*My first thought was one of great thankfulness that I had never breathed this last baffled hope to Joe.* Dickens. *Great expectations*).

Таким образом, антропоморфный код концепта *hope* реализуется ментальными, эмоциональными, соматическими признаками и признаками характера.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 3-10.
2. Пименова М.В. Концепт *надежда* в русской языковой картине мира // Человек и его язык: К 75-летию проф. В.П. Недедякова. – Кемерово: Графика, 2003. – (Серия «Филологический сборник»; Вып. 4).
3. Пименова М.В. *Душа и дух: особенности концептуализации.* – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с. – (Серия «Концептуальные исследования»; Вып. 3).
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
5. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 285 с.

Е.А. Огнева
Белгородский государственный университет

ДИНАМИКА ЭТНОСПЕКТРА КОНЦЕПТОСФЕРЫ*

На современном этапе развития когнитивной лингвистики особое внимание уделяется исследованию когнитивных предпосылок для формирования семантических структур и их взаимодействия с когнитивными

* Статья выполнена при финансовой поддержке внутривузовского гранта по проведению приоритетных исследований науки, технологии и техники ВКГ131-07.

структурами. Рассматривается взаимодействие семантических и когнитивных структур в аспекте соотношения концептуальной и языковой картин мира, то есть, в аспекте соотношения концептуальной системы сознания и семантической системы языка, так как концептуальная система репрезентуруется в системе семантических структур языка.

Известно, что концептуальные структуры определяют семантические структуры, и, в то же время, испытывают воздействие семантической системы. Так, по мнению В.А. Сулимова, концептуальная основа языка – это, прежде всего, некоторая призма, базирующаяся на культурно-генетических основах индивидуального сознания, обладающая признаками коллективности (социокультурного) сознания [14: 41-42], поэтому в результате становления и активного развития когнитивной науки разрабатывается идея об определении языком логического строя мышления и установления зависимости языка от характера познания действительности, рассматривается вопрос о возможности использования языка как источника сведений об окружающем мире [2: 12].

Общезвестно, что знание формируется и накапливается исключительно в процессе речемыслительной познавательной деятельности человека, тем не менее, разграничения требуют два понятия: процесс мышления и содержание мышления. Процессы и формы мышления носят общечеловеческий характер и протекают по единым законам работы мозга. Содержание мышления, напротив, имеет национальный характер. В нем находят свое отражение психический склад и духовный облик народа, особенности его быта, культуры и языка, что обеспечивает концептуальное осмысление категорий культуры [12: 58]. Известна формула Л. Витгенштейна: «границы моего языка определяют границы моего мира», что подчеркивает опосредованность реальности языком, который тем самым создает образ мира. Концептуальная основа языка всегда индивидуальна, но обладает признаками коллективных форм мышления, в том числе, ценностной ориентацией. Включаясь в идеологическую парадигму индивидуального сознания, концептуальная основа языка одновременно включает эту идеологическую парадигму в общий социально-культурный контекст. В результате длительного процесса интериоризации знаний в сознании человечества складывается образ мира/языковая картина мира, которая формирует семиотические рамки последующих изменений сознания этноса. Под языковой картиной мира, вслед за Е.С. Кубряковой, понимаем сокращенную картину всех знаний, понятий и форм мышления, убеждений и оценок [7: 8]. В литературе под «картиной мира» понимаются два разных аспекта рассмотрения семантики: либо общая, интегральная ее картина, совокупность всего языкового содержания, относительно постоянная и медленно эволюционирующая во времени, либо специфические черты семантики данного языка, дифференцирующие его от всех других языков. В языковой картине мира заложены единицы знания о мире, включающие в себя еди-

ницы, отражающие способ восприятия мира человеком, и составляющие этноспектр концептосферы: афоризмы, фразеологические единицы, фреймы типовых ситуаций, пословицы и поговорки, крылатые слова, метафоры, прецедентные тексты культуры, прототипические образы национальной культуры, устойчивые оценки фактов, явлений.

По мнению Ю.Н. Караулова, «совокупность этих элементов не образует последовательной, стремящейся к завершенности картины мира. Скорее наоборот, они складываются в мозаичную, фрагментарно заполняемую, принципиально незавершенную, а подчас и противоречивую языковую картину мира, сильно окрашенную национальным колоритом» [4: 128-129]. В языковой картине мира находит свое воплощение когнитивная функция языка, которая складывается в сознании индивидуума под воздействием интеракции, точнее – интеракционного следа, остающегося в сознании в результате речевого взаимодействия [14: 40].

Так как язык является открытой знаковой системой, способной к неограниченному развитию во взаимосвязи с культурой, то в границы языковой картины мира включается и духовный мир культуры. Исследования показывают, что культура и язык имеют как сходные, так и различные структурные черты. Несмотря на то, что язык и культура являются различными семиотическими системами, культура структурно подобна языку. Смысловое пространство культуры – как и человеческое сознание – детерминировано в определенной степени границами этнического языка.

Связь между языком и культурой определяется онтологически, так как и язык и культура являются результатом творческой ментальной деятельности человека. Язык является неотъемлемой и важнейшей частью национальной культуры. Сфера языка шире по возможностям сферы реального многообразия в мире и в обществе, что предопределено широтой ментальности человека, тем не менее, язык и культура тесно связаны с помощью некоторого промежуточного образования, которое идеально реализуется в языке как значении и обеспечивает онтологическое единство языка и культуры. Известно, что язык выявляет и объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием [7: 37-38]. Языковые знаки, приобретая способность выполнять функцию знаков культуры, тем самым служат средством представления основных установок культуры, поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. В лингвокультурологических исследованиях конца XX-начала XXI в. особое внимание уделяется теории культурного кода (Алефиренко Н.Ф., Красных В.В., Афанасьева Т.С. и др.). В когнитивной лингвистике «код культуры» определяется как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Ученые соотносят коды культуры с древнейшими архетипическими представлениями человека. Так, теория прототипов утверждает, что множество оппозиций зависит от

сигнификативного содержания индивидуальных знаков [16: 72-73]. Есть два вида прототипов [18]: а) единица, проявляющая в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами данной группы, б) единица, реализующая эти свойства в наиболее чистом виде и наиболее полно, без примеси иных свойств [17: 195]. Практические, теоретические и культурные знания и опыт, то есть код культуры восстанавливается по средством семантического и концептуального анализа в виде языковой картины мира. По мнению А.П. Бабушкина, языковая картина мира выступает в качестве проводника в процессе коммуникации личности с окружающей средой, что позволяет ей объективно отражать восприятие мира носителями той или иной культуры. Структура картины мира во многом определяется принципом систематизации объектов, ее составляющих, поэтому языковая картина мира представляет собой фрагмент универсального «картирования» действительности человеческим сознанием [2: 12].

Таким образом, по мнению Л.М. Васильева, языковые знания представляют собой часть неязыковых знаний, а языковая картина мира как бы «вмонтирована» в когнитивную структуру, семантика является составной частью такой структуры [3], то есть языковая картина мира основывается на специфических логико-языковых единицах – концептах, которые являются структурными компонентами «языка ментальных построений», опосредующего связь мышления с естественным языком. На современном этапе развития науки требуется разграничение двух понятий: концепт и концептосфера.

В термине концепт актуализируется его ментальная сущность, содержательная составляющая знака – понятие, выражающее знания о мире человека той или иной культуры, национальной принадлежности и определенной эпохи, тогда как понятие концептосферы увязывается с познавательным потенциалом, запасом знаний и навыков, культурным опытом как отдельной личности, так и народа в целом [2], поэтому по языковой картине мира – системе, открытой для лингвистического анализа, можно судить о ментальном пространстве языка, скрытом от непосредственного наблюдения, о его концептосфере.

Приоритет введения термина «концептосфера» в научный оборот принадлежит академику Д.С. Лихачеву, который указывал, что «концепты составляют разнообразные сферы и в совокупности создают концептосферу национального языка» [8: 282]. Развивая идею академика Д.С. Лихачева, А.П. Бабушкин представляет концептосферу языка в виде совокупности концептов разных типов: мыслительных картинок, схем, фреймов и сценариев [1]. По мнению З.Д. Поповой, концептосфера – это мыслительная область, которая состоит из концептов, а семантическое пространство языка, только часть концептосферы, выраженная языковыми знаками. Исследования показывают, концепты могут вступить в конфликт с чуждыми для них компонентами концептосферы. Чаще всего это проявляется при несовпаде-

нии ценностных компонентов соответствующих концептов [5: 19]. Лексическая система языка частично репрезентирует национальную концептосферу, имеющую системный характер, так как процесс систематизации и категоризации внеязыковой действительности есть процесс когнитивный.

В современной лингвистике актуальным вопросом является принцип разграничения концептосферы и семантического пространства языка, что позволяет решить проблему разграничения концептуальных и семантических параметров. Исследование концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном своеобразии направлены на определение места концепта в национальной концептосфере [13: 78]. Исследование структуры концептосферы как национального языка в целом, так и концептосферы отдельных фрагментов языковой картины мира предполагает выявление относительно полной парадигмы концептов базового уровня, играющих основную роль в процессе категоризации и концептуализации мира. Такие базовые концепты, как время, количество и т.п. имеют множественную репрезентацию в языке, получая как грамматическое, так и лексическое оформление. Как отмечает Л. Талми, именно базовые концепты получают грамматическое оформление в языке, формируя концептуальную рамку, через которую затем «пропускается» концептуальный материал, получающий лексическую репрезентацию [15: 92]. Грамматический способ репрезентации базовых концептов имеет центральную роль в системе языка, и грамматически объективируемый концепт занимает центральное место в языковом сознании, притягивая и организуя вокруг себя другие средства языковой репрезентации. Исследования показывают, что значимыми компонентами концептосферы, позволяющими проводить детальный анализ языковой картины мира того или иного социума, являются: фреймы [см. подробнее: 10] и когнитивные сценарии [см. подробнее: 11].

В частности, художественный текст как часть концептуальной картины мира состоит из множества фреймов и когнитивных сценариев, так как художественное произведение представляет собой совокупность авторских концептов, каждый из которых имеет свое номинативное поле, компоненты которого в силу тех или иных причин со временем становятся неактуальны для социума, что обусловлено, по мнению В.Б. Касевича, тем, что языковая картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказаться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей бывшие оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария [5]. Итак, был проведен ассоциативный эксперимент среди студентов университета с целью установления понятийных характеристик концептов *'горница'*, *'подкить'*, *'подполье'*. Как показали результаты, во-первых, большая часть участвовавших в эксперименте (различные нефилологические факультеты) затруднилась с определением семантической нагрузки вышеуказанных

лексем, являющихся ядерными в исследуемых концептах, во-вторых, студентам, изучающие такое явление как номинативное поле концепта, также затруднились с построением номинативного поля вышеназванных концептов, в-третьих, только в группах, изучающих французский язык, в процессе сопоставительного анализа выдержки из оригинала художественного произведения А. Солженицына “Матренин Двор” и его перевода на французский язык (Léon et Andrée Robel), было частично сконструировано номинативное поле вышеназванных концептов: *Налево еще ступеньки вели вверх в горницу – отдельный сруб без печи, и ступеньки вниз, в подкить. А направо сама изба, с чердаком и подпольем* [27: 109], что переводится как *‘A gauche d’autres marches montaient à la belle chambre, un bâtis sans cheminée, indépendant; d’autres encore descendaient à la soupente. A droite c’était l’izba proprement dite avec grenier et sous-sol’* [28: 21], где культуры текста перекодированы различными способами: лексема *изба* переведена на французский язык путем транслитерации: *‘l’izba’*, лексема *горница*, которая обозначает отдельный сруб без печи, как видно из приведенного выше примера, переводится словосочетанием *‘la belle chambre’*, культурема *подкить* перекодирована эквивалентным словом *‘la soupente’*, что переводится как *‘коморка под лестницей’*, культурема *подполье* переведена эквивалентом *‘sous-sol’*. В тексте перевода некоторые из вышеуказанных номинантов более понятны современному студенту, знающему в данном случае французский язык, чем номинанты оригинала на родном языке. Рассмотренный пример построения номинативного поля концептов, не являющихся актуальными для современного поколения студентов, подтверждает то положение, что концептосфера, которая служит для отображения определенной структурированности пространства национального языка как структуры знаний о мире концептуально динамична; именно это свойство способствует тому, что взаимосвязь концептосферы с языковой системой, многоаспектность их взаимообусловленности по-прежнему является значимым направлением исследований.

Бесспорно, каждый язык имеет собственную картину мира, отображающую понятия социума, который он обслуживает. Так, например, прием пищи отличается у французов и русских, что нашло свое отражение в их языковых картинах мира [цит. по: 9]. Для французов прием пищи – это целая церемония, которая и является проявлением национальных традиций: *Toujours suivent les us, le conseil décida d’y joindre, pour leur bec, quelques friands gâteaux orgueil de la cité, de gros biscuits glacés, notre ardeur (Mon gendre pâtissier, Florimond ravi se fit mettre trois douzaines)* [25: 104] – текст адаптирован для русского читателя так *‘Следуя опятьтаки обычаю, совет постановил присовокупить к сему, во внимание к их климату, некое печеное лакомство, гордость города, большие заливные сушари, каковыми мы славимся (Мой зять Флоримон Равизе, поставил их три дюжины)’* [26: 89]. Известно, что французы могут проводить за

столом часы в беседах. Главный герой Р. Роллана Кола Брюньон так в шуточной форме говорит о привычке французов проводить много времени за столом: *Nos oiseaux sortaient de la table, lorsque entra le dessert par nos mains apporté. Mais ils en furent quittés pour recommencer: oiseaux mangent toujours* [25: 106], что переведено как 'Наши птицы уже вставали из-за стола, когда мы явились со своим десертом. Чтобы помочь горю, они начали сначала, птицы вечно едят' [26: 90].

В русских произведениях находим следующие аспекты номинативного поля концепта 'прием пищи' в семьях со средним достатком: *По будням к утреннему чаю покупали по два фунта пшеничного хлеба и на две копейки грошовых булочек для молодой хозяйки* [23: 260]. Жан Лубэ в процессе перевода так передал описание завтрака в русской семье на французский язык: *Les jours ordinaires, on achetait pour le thé du matin deux livres de pain de seigle et, pour la jeune femme, deux petits pains d'un sou* [24: 77]. Французы, читая произведение М. Горького, адаптированное в рамках французской языковой картины мира, видят несколько иную картину быта, чем та, которая была представлена в оригинале. Так, в тексте оригинала выявлен номинант номинативного поля исследуемого концепта 'прием пищи' – *два фунта пшеничного хлеба, грошовые булочки*. По словарю В.И. Даля: "фунт – мера веса в 32 лота или 96 золотников" [20: 539].

Дальнейшее исследование показывает, что номинант *пшеничный хлеб* за столом героев оригинального текста произведения М. Горького заменен на *'le pain de seigle' – ржаной хлеб*, так как лексема 'seigle' обозначает – *рожь*, тогда как – *пшеница* переводится как 'blé'. Как видно из проведенного сопоставительного анализа, картина завтрака, представленная автором, оказалась искаженной при переводе произведения на французский язык; ржаной хлеб ели бедняки, а в исследуемом произведении описывается семья со средним достатком. Следующий компонент завтрака номинант *грошовые булочки* и его переводной вариант *'deux petits pains d'un sou'* являются эквивалентами, что способствует адаптации информации на переводной язык. Дальнейшее исследование показывает, что при адаптации номинантов номинативного поля концепта 'вера', в роли которых выступают культуемы, также в ряде случаев при переводе с русского языка на французский применяется прием транслитерации: *...стоя где-нибудь в углу, где просторнее и темнее, я любил смотреть издали на иконостас* [23: 272], что переведено как *'Debout, dans un coin obscur et dérobé, je regardais de loin l'iconostase'* [24: 92]. Культурема оригинала *иконостас* является номинантом вышеуказанного номинативного поля и отражает понятие, характерное для православной церкви: "иконостас" – перегородка, отделяющая алтарь от остальной части храма. На иконостасе располагаются иконы, тогда как для католической церкви эта реалия религиозной культуры не традиционна, поэтому переводчик в процессе перевода транслитерировал культурему "иконостас". Исследования показывают, что при

переводе культурем, входящих в состав номинативного поля концепта 'vera', с французского языка на русский также применяется прием транслитерации, способствующий адаптации плана содержания при перекодировке: – *cantiques* – *кантики*. Кантики – это песнопения на религиозные сюжеты, исполняющиеся вне католической службы (*chants non liturgiques*) “*Venez, divin Messie*”, “*Il est né le divin Enfant, dans cette étable*”. В раннем средневековье их называли “кантиками на народном языке” (*cantiques en langue vulgaire*), чтобы отличить от Евангельских песнопений (*Benedictus magnificat, Nunc Dimitis*), которые входили в состав церковной службы на латинском языке [22: 144].

Таким образом, языковая картина мира того или иного этноса являясь динамичной, способствует тому, что культурологически маркированные номинанты номинативных полей концептов, входящих в этноспектр концептосферы, со временем утрачивают свою значимость и остаются только на страницах классических произведений. Так, проведение ассоциативного эксперимента позволило выявить степень снижения актуальности лексем *горница, подполье, подкить*, являющихся ядерными в исследуемых номинативных полях одноименных концептов. Переводчики, с целью максимально приемлемой адаптации контекстуальной смысловой нагрузки номинантов, прибегают в ряде случаев к приему транслитерации плана выражения номинантов. Тем не менее, в процессе исследования были выявлены искажения структуры номинантов номинативных полей при переносе информации в соответствии с требованиями языковой картины мира иного социума.

Литература:

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996.
2. Бабушкин А.П. Картина мира и концептосфера языка // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы Международного симпозиума (Волгоград, 22-24 мая 2003 г.): В 2 ч. – Волгоград: Перемена, 2003. – Ч. 2. – С. 12-13.
3. Висельев Л.М. Современная лингвистическая семантика в свете когнитивной теории языка // *Germanica, Slavica, Turcica*. – Уфа, 2000. – 249 с.
4. Караулов Ю.Н. Языковое сознание как процесс (теоретические предпосылки одного эксперимента) // Слово: Сб. – София, 2001. – С. 128-129.
5. Карсик В. И. Транслируемость концептов // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы Международного симпозиума (Волгоград, 22-24 мая 2003 г.): В 2 ч. – Волгоград: Перемена, 2003. – Ч. 2. – С. 17-19.
6. Касевич В. Б. Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса // XVI *Congrès International des Linguistes*. – Paris, 1997. – 256 с.
7. Кустрикова Е.С. Языковое сознание и картина мира // Филология и культура: Материалы Международной научной конференции. – Тамбов, 1999. – С. 13-16.
8. Индичев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От Теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 280-289.
9. Мищенко С.А., Огнева Е.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации. Монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003

10. Огнєва Е.А. Характеристика объема переводимости концептов художественных текстов (на мат-ле произведения А.Н. Толстого «Петр Первый») // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизации преподавания иностранных языков: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 363-368.
11. Огнєва Е.А. Структурное соответствие/несоответствие концептов оригинала и перевода // Социокультурные проблемы перевода: Сб. научн. тр. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2006. – Вып. 7. – Ч. 2. – С. 149-158.
12. Попова З.Д. Общее языкознание. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987.
13. Попова З.Д. Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: Монография. – Воронеж: Истоки, 2006.
14. Сулимов В.А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации // Филологические науки. – № 1. – 2006. – С. 40-47.
15. Тами Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Филология. – 1999. – № 1.
16. Geeraerts D. Cognitive semantics and the history of philosophical epistemology // Conceptualizations and mental processing in language. – В.; N.Y.: de Gruyter, 1993. – P. 53-79.
17. Givón T. Syntax: A functional-typological introduction: V.1. – А.; Ph.: Benjamins, 1984.
18. Holenstein E. Sprachliche Universalien: Eine Untersuchung zur Natur des menschlichen Geistes. – Bochum: Brockmeyer, 1985.
19. Wittgenstein L. The blue and brown books: Preliminary studies for the 'Philosophical investigations'. – О.: Blackwell, 1969.

Словари:

20. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1999.
22. ФЛЖС. Франция. Лингвострановедческий словарь: 7000 единиц / Под ред. Л.Г. Ведениной. – М.: Интердиалект+ АМТ, 1997.

Источники примеров:

23. Горький М. Собр. сочин. : В 2 т. – М.: Полиграфресурсы, 2000. – Т. II: В людях.
24. Gorki M. En gagnant mon pain / Tr. du russe par Jean Loubés. – Paris: Fournier, 1946.
25. Rolland R. Colas Breugnon. – М.: Edition en langues étrangères, 1948.
26. Роллан Р. Кола Брюньон: Пер. с фр. М. Лозинского. – Л.: Худ. лит-ра, 1986.
27. Солженицын А. Избранная проза // Рассказы. Раковый корнус: Повесть. Матренин двор. – М.: Советская Россия, 1990.
28. Soljénitsyne A. La maison de Matriona / Tr. du russe par Léon et Andrée Robel. – Paris: René Julliard, 1965.

Н.П. Савойская

Кустанайский государственный университет

ВЛИЯНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Человек – существо физическое, наделенное органами чувств, с помощью которых он способен воспринимать окружающий мир: он видит, слышит, осязает, различает запахи. Человек, рожденный с чистым, свобод-